

деятельности человека в наиболее измененных сейчас лесостепных и степных районах. Сопоставление данных археологии с данными других дисциплин: географии, палеоботаники, геоботаники и почвоведения — дает очень много для того, чтобы понять обстановку, в которой жил и действовал человек эпохи бронзы и более поздних эпох. Удачным примером такого сопоставления можно считать некоторые главы из работы Дж.-Г. Кларка «Доисторическая Европа» (Издательство иностранной литературы, 1953 г.). Увязка археологических данных с общей характеристикой ландшафтов позволяет Кларку гораздо шире осветить деятельность и жизнь человека в неолите, чем это сделано в работе О. А. Кривцовой-Граковой на примере Приволжья и Причерноморья.

А. М. Семенова-Тян-Шанская

Коми-пермяцкие народные предания о Пере-богатые. Сборник составил кандидат исторических наук Д. И. Гусев. Под редакцией доктора филологических наук В. М. Сидельникова, Кудымкар, 1956.

Литература по фольклору Урала обогатилась новым сборником. Во вступлении «От составителя» кратко охарактеризован материал сборника и круг вопросов изучения коми-пермяцкого фольклора. Затем идет «Сводный текст преданий». Он представляет собой литературную обработку полевых фольклорных записей, сделанных не только самим составителем (Д. И. Гусевым), но и участниками экспедиций, которые проводились в течение 1947—1953 гг. кафедрой этнографии Московского университета имени Ломоносова совместно с Коми-пермяцким окружным музеем. В следующем разделе опубликованы варианты предания, послужившие основой для составления сводного текста. Сборник заключает статья Д. И. Гусева «Коми-пермяцкие народные предания „Пере-богатые“ (историко-этнографический очерк)».

Собиратели и исследователи уральского фольклора не раз наблюдали «обмен» произведениями народно-поэтического творчества между русскими и башкирами, татарами, а также другими народами, населяющими территорию Урала и тесно соприкасающимися в быту и в производственной жизни. Например, Д. К. Зеленин, опубликовавший «Великорусские сказки Пермской губернии», подметил, что сказка на Урале — это явление в известном смысле междунациональное. Поэтому он счел необходимым включить в свой сборник и башкирские сказки, рассказанные на русском языке. «Без этого материала, — писал собиратель, — наши представления о русских сказках Пермской губернии были бы далеко не полными»¹.

Дореволюционные наблюдатели — фольклористы и этнографы — преимущественно указывали на то, что русский фольклор усваивался другими народами, населяющими нашу страну (Рогов, Кастрен, Аничков и др.). Значительно реже они отмечали обратные воздействия. Между тем иногда общность произведений народно-поэтического творчества на севере России, как мифологических представлений, была столь велика, что наблюдатели даже затруднялись определить, к творчеству какого из двух общающихся народов следует отнести ту или иную черту в мифе или в повести².

Фольклор коми-пермяков не оставался в стороне от интенсивного на Урале процесса обмена произведениями художественного творчества между разными народами; но и в отношении коми-пермяков исследователями говорилось только об усвоении ими произведений русского фольклора.

Новый сборник коми-пермяцкого фольклора дает для выяснения взаимовлияний в устном народном творчестве на Урале новые ценные материалы. Установлено, что коми-пермяцкие эпические предания о Пере-богатые бытуют также и среди русского населения на довольно обширной территории Коми-Пермяцкого национального округа, Красновишерского района Молотовской области, Афанасьевского района Кировской области и Усть-Куломского района Коми АССР. Составитель сборника Д. И. Гусев подчеркивает «творческое взаимодействие русского и коми-пермяцкого фольклора» (стр. 7).

Публикуемые в сборнике предания записывались на русском языке даже в тех случаях, когда рассказчиками выступали коми-пермяки. Текстов на коми-пермяцком языке в сборнике нет. У читателя естественно возникает вопрос о том, бытуют ли предания о Пере-богатые на коми-пермяцком языке? Если такие предания есть, то являются ли русские варианты, записанные от коми-пермяков, переводом произведений, известных на коми-пермяцком языке? Или же, быть может, различия речевой формы сопровождаются какими-то расхождениями в сюжетах, мотивах, поэтических средствах выражения? К сожалению, ответа на эти вопросы мы не находим. Однако публи-

¹ Д. К. Зеленин, Великорусские сказки Пермской губернии, «Записки Русского географического общества по отд. этнографии», т. 41, Игр., 1914, стр. 441.

² См. Н. Первухин, Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда, Вятка, 1888, стр. 71.

кация преданий на русском языке позволяет более широкому кругу читателей и филологов ознакомиться с материалами, представленными в сборнике.

Д. И. Гусев различает в преданиях о Пере-богатыре три слоя, отражающих различные исторические периоды жизни коми-пермяков. К самому архаическому слою он относит предания, повествующие «об охотничьей жизни Перы-богатыря и о борьбе с лешим и водяным».

Важно было бы подчеркнуть, что в этой группе преданий отчетливо заметны следы мифологических представлений о «хозяевах стихий». Тема борьбы с «хозяевами стихий» появляется в фольклоре только тогда, когда человек начинает овладевать силами природы, которые прежде над ним господствовали. Многочисленные литературные источники по этнографии народов Урала и Сибири подтверждают это положение. Сошлемся здесь, например, на одну современную фольклорную запись рассказа о том, что издавна люди боялись «страшного и сильного хозяина» воды, а после победы над ним человека «хозяин людям худое делать бонтся»³.

И в коми-пермяцком предании после победы Перы-богатыря над хозяином леса «убежали лешие из уральских лесов... Перестали с того времени народ тревожить» (стр. 19). Тема борьбы с природой и ее «хозяевами», победы над ними человека указывает, что в этой группе преданий о Пере-богатыре отражены отнюдь не древнейшие черты общественного сознания народа.

Д. И. Гусев утверждает, что в последующих слоях преданий о Пере-богатыре «религиозные воззрения... убывают» (стр. 92). Но сама тема борьбы богатыря с «хозяевами стихий» в этой группе преданий свидетельствует об ослаблении анимистических представлений. Такая черта наблюдается обычно в сравнительно новых, поздних преданиях и легендах. Но составитель сборника находит в древнем слое преданий о Пере-богатыре отражение хозяйственного быта, материальной культуры, общественной организации и духовной жизни пермяков в период существования у них патриархально-родового строя (стр. 92).

Бесспорно, что наблюдения Д. И. Гусева над тем, как в преданиях о Пере-богатыре запечатлелся материальный и духовный быт коми-пермяков в различные эпохи жизни народа, как отразилась в преданиях исторически сложившаяся дружба коми-пермяцкого и русского народа, — имеют значительный научный интерес и немалую познавательную ценность.

Рассматривая предания о Пере-богатыре как этнографический и исторический источник, Д. И. Гусев уделяет некоторое внимание художественной ценности фольклорных текстов, касается вопросов мастерства. Он устанавливает отдельные группы сказителей и упоминает о приемах, отличающих повествовательную манеру разных рассказчиков. Однако в этой части исследования многое остается неясным.

Об одной группе сказителей, например, говорится, что они «применяют мастерски в своих преданиях художественные приемы и обороты русского и коми-пермяцкого устного народного творчества» (стр. 82). С незначительными вариациями то же повторяется о камских сказителях, косинско-кочевских, юрлинских, вишерско-язвинских и др. (стр. 81—83). Что же касается иньвенских сказителей, то они «широко используют изобразительные приемы русского и коми-пермяцкого устного народного творчества, передавая сказания о Пере-богатыре в форме сказки, сказа и даже былины» (стр. 83). Следует ли отсюда, что рассказчики, причисляемые к другим группам, не обращаются к формам сказки, сказа или былины?

Читатель желал бы узнать, что именно имел в виду автор, так настойчиво упоминающий о «художественных оборотах», о «художественных средствах и приемах» русского и коми-пермяцкого устного поэтического творчества? Однако иллюстраций этих «оборотов», «средств» и «приемов» в книге не дано.

Различия художественных приемов Д. И. Гусев выдвигает в качестве одного из оснований для группировки сказителей. Но оказывается, что все рассказчики одинаково широко применяют «приемы» и художественные средства русского и коми-пермяцкого фольклора. Следовательно, группировка утрачивает логическую основу. Географическое же распределение сказителей и группировка их по использованию отдельных повествовательных мотивов оказываются явно недостаточными.

Трудно согласиться с тем, что изучение художественных приемов — это «дело будущих исследователей» (стр. 84), как утверждает Д. И. Гусев. Публикация коми-пермяцких преданий должна сопровождаться серьезным фольклористическим анализом, какого заслуживает этот ценный материал. Следовало бы установить связи мотивов и образов этих преданий с мотивами и образами произведений фольклора русского и других народов, населяющих территорию Урала. Так, например, интересно определить место, занимаемое вариантом № 16 предания о Пере-богатыре среди популярных на Урале легенд о самопогребении чуди. Предание о борьбе Перы-богатыря со Строгановыми легко было бы поставить в ряд широко известных на Урале преданий о борьбе со Строгановыми народных защитников, о выступлениях против них «вольных людей». Весьма интересны в этом отношении такие широко распространенные мотивы, как, например, превращение богатырей в камни (стр. 38) или бросание богатырями огромных камней для забавы (стр. 12).

Применение сравнительного метода позволит установить общие черты преданий о Пере-богатыре и русских «богатырских сказок», бытующих на Урале. Между прочим

³ А. Коптелов, Сказки народов Сибири, Новосибирск, 1949, стр. 101—102.

интересен тот факт, что в русском фольклоре Урала Пера-богатырь выступает совместно с русским богатырем Полюдом.

Таким путем выявятся одновременно и специфические особенности системы образов, а также поэтики коми-пермяцких преданий.

В заключение нужно указать на стилистические недочеты статьи Д. И. Гусева. Едва ли допустимо употреблять, например, термин «ареал распространения» (стр. 79); ведь само слово «ареал» означает область распространения.

Книга «Коми-пермяцкие народные предания о Пере-богатыре» привлечет к себе внимание ученых разных специальностей — этнографов, историков, филологов. Опубликованный в сборнике материал ждет внимательного изучения.

Р. Р. Гельгардт

Белорускія песні, Минск, 1955.

Издательство Академии наук БССР выпустило в свет сборник «Белорускія песні», составленный известным фольклористом, народным артистом СССР Г. Р. Ширмой.

Как отмечается в кратком предисловии, «сборник ставит своей целью дать лучшие тексты белорусского песенного творчества». Разумеется, наиболее желателен выпуск сборников песен с нотами, в чем ощущается острая потребность, но важно и издание самих текстов, особенно потому, что при издании нотных сборников на словесную часть обычно обращают недостаточно внимания. Кроме того, лучшие тексты белорусского песенного творчества являются ценным материалом для поэтов, прежде всего — песенников, а также для хоровых коллективов, особенно самодеятельных, которые, зная мелодию той или иной песни, зачастую не располагают ее лучшими словесными вариантами.

В рецензируемом сборнике удачно подобраны тексты многих белорусских народных песен советской эпохи. Это касается в первую очередь таких песен, как «Любы зоры залацістыя», «Люд наш беларускі», «Закуры», «Балада аб партызанцы Галіне», «Песня пра Заслонава», «Ой, у полі пад ракітай», «Веюць ветры», «Жніўная», «Вечарынка», «Лясная песня», «Беларусь-радзіма», «Бывайце здаровы». Эти песни по своему словесному (а также и музыкальному) достоинству занимают видное место в советском народно-поэтическом творчестве.

Имеется ряд ценных в идейно-художественном отношении песен и в разделе белорусского песенного творчества дооктябрьского периода. Таковы, например, песни «А ў полі вярба нахілёная», «Батрацкая», «Вылцела галка», «Сваток», «Ой, у садочку двіла лілея», «Каціўся вяночак з поля» и другие.

Однако сборник «Беларускія песні», как первый в послевоенные годы опыт издания подобного рода, имеет ряд недочетов.

Прежде всего, сборник «Беларускія песні», будучи сравнительно небольшим по объему (11 печ. листов), пытается охватить все богатство белорусского песенного творчества, дать наиболее характерные образцы традиционных песен, народных песен советской эпохи и, наконец, песен белорусских поэтов и композиторов (соответственно этому сборник делится на три неравномерных раздела). В результате ни один вид белорусского песенного творчества не представлен в достаточном количестве наиболее характерных образцов.

Было бы лучше издать сборник только народных песен дооктябрьского и советского периода (а еще лучше два сборника: песен, созданных до Октября, и советских), а песни белорусских поэтов и композиторов, которые занимают чуть ли не половину рассматриваемого сборника, издать отдельно, причем с нотами — иначе издание не достигнет цели. Подавляющее большинство приведенных в этом сборнике песен белорусских поэтов и композиторов можно назвать песнями лишь условно, ибо они (несмотря на в большинстве доброкачественный в литературном отношении материал) остаются песнями только на бумаге. Разумеется, лучшие из них необходимо популяризировать, но не следует их смешивать с «живыми» песнями, которые бытуют в массах. Разнородный материал сборника только формально можно объединить под названием «Беларускія песні». Раздел сборника «Песні беларускіх паэтаў і кампазітараў» (кстати, в него почему-то не включена известная песня Янки Купалы «А хто там ідзе...») за некоторыми исключениями оказался обособленным, тем более, что литературные тексты даны без мелодий, причем включение этого раздела в сборник пошло за счет народных песен.

Нельзя полностью согласиться не только с общим планом сборника, но и в ряде случаев и с распределением материала внутри разделов. Например, несмотря на то, что существует раздел «Песні беларускіх паэтаў і кампазітараў», песня М. Богдановича «Зорка Венера», литературная по происхождению, помещена в разделе «Традиционных народных песен». По всей вероятности, литературного происхождения и баллада «Што то за хлопец, што за дзяўчына», помещенная среди старых народных песен. Это же следует сказать о ряде песен раздела «Сучасныя народныя песні». В то же время в разделе «Песні беларускіх паэтаў і кампазітараў» имеются такие песни, которые прочно вошли в народно-поэтическое творчество («Вечарынка» Янки Купалы, «Бывайце здаровы» А. Русака и некоторые другие), поэтому их можно было бы включить в раздел современных народных песен. Это еще раз подтверждает не-